

УДК 34**Проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа: теория и правоприменительная практика****Мастюкова Ирина Игоревна**

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: mastuykova.ii@students.dvfu.ru

Роженцева Арина Павловна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: rozhentceva.ap@students.dvfu.ru

Куцепалова Валерия Сергеевна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: kutsepalova.vs@dvfu.ru

Соболинская Евгения Михайловна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: sobolinskaya.em@dvfu.ru

Выражаем благодарность Хаджиматову Владимиру Александровичу, преподавателю Юридической школы Дальневосточного федерального университета за помощь в подготовке текста статьи.

Аннотация

В данной статье исследуется эволюция правового регулирования мошенничества с применением электронных платежных средств в российском уголовном законодательстве. Авторы проводят комплексный анализ теоретических положений уголовного права, законодательных изменений, судебных разъяснений и практики рассмотрения дел по статье 159.3 УК РФ, выявляя ключевые проблемы квалификации данного состава преступления. По итогам проведенного исследования авторы обосновывают необходимость дополнения действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ о

судебной практике по делам о мошенничестве специальными разъяснениями, касающимися квалификации преступлений по статье 159.3 УК РФ.

Для цитирования в научных исследованиях

Мастюкова И.И., Роженцева А.П., Куцепалова В.С., Соболинская Е.М. Проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа: теория и правоприменительная практика // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 5А. С. 263-276.

Ключевые слова

Мошенничество, электронные средства платежа, квалификация преступлений, статья 159.3 УК РФ, судебная практика, уголовная ответственность.

Введение

В современный период наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества преступлений, совершаемых с применением цифровых технологий. Наиболее распространенными являются противоправные деяния, связанные с незаконным завладением денежными средствами, находящимися на банковских счетах, а также электронными денежными средствами, что обусловлено активным переходом к безналичным формам расчетов. С 2019 года Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет систематический учет и публикацию статистических данных о зарегистрированных преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая преступления в сфере компьютерной информации. Согласно опубликованным данным, в период с января по декабрь 2019 года было зафиксировано 294,4 тысячи преступлений указанной категории. В 2020 году данный показатель увеличился до 510,4 тысячи случаев, что свидетельствует о росте на 42,3% по сравнению с предыдущим годом. В 2021 году прирост составил незначительную величину – общее количество зарегистрированных преступлений достигло 517,7 тысячи, при этом более 78% из них были связаны с хищениями или мошенническими действиями. За 2024 год зарегистрировано уже 765,4 тысячи киберпреступлений (+ 15,3 % в сравнении с 2023 годом). Примечательно, что несмотря на общий рост числа преступлений в данной сфере, удельный вес мошенничеств с применением электронных платежных средств демонстрирует тенденцию к снижению.

Основное содержание

Анализ официальных статистических данных, размещенных на сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации, позволяет констатировать, что в первом квартале 2020 года по статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации было зарегистрировано 6206 преступлений. В аналогичный период 2021 года количество таких преступлений сократилось до 3400 случаев, а в январе–марте 2022 года было зафиксировано 2440 эпизодов. За 2024 год подобных преступлений зарегистрировано всего 273 (что на 88,9 % меньше, чем в 2023 году). Снижение числа преступлений, квалифицируемых по статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, во многом обусловлено отсутствием единообразного подхода к ее применению в редакции Федерального закона от 23.04.2018 № 111-ФЗ, а также наличием противоречивой судебной практики. Кроме того, в научной литературе отмечается

недостаточная теоретическая проработка вопросов, связанных с квалификацией мошенничества с использованием электронных средств платежа, его отграничением от смежных составов преступлений, в том числе иных видов мошенничества и краж с банковских счетов, а также электронных денежных средств.

Проблема квалификации преступных деяний, предусмотренных статьей 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, требует детального рассмотрения в контексте исторического развития данного состава преступления. Указанная норма была введена в уголовное законодательство в 2012 году в рамках масштабного дополнения Уголовного кодекса РФ шестью специальными составами мошенничества. Инициатива по внесению соответствующих изменений исходила от Верховного Суда Российской Федерации, который аргументировал необходимость такой законодательной новеллы высокой распространенностью мошеннических посягательств в различных сферах общественной жизни. В пояснительных материалах к законопроекту особо подчеркивалось, что вводимые статьи 159.1-159.6 УК РФ устанавливают ответственность за мошенничество, но при этом обладают специальной характеристикой, определяемой сферой экономической деятельности, в которой совершается преступление, специфическим способом его осуществления и особым характером предмета посягательства.

При разработке законопроекта законодатель исходил из того, что хотя статья 159 УК РФ в общей форме охватывает все случаи хищения чужого имущества или приобретения прав на него посредством обмана или злоупотребления доверием, введение специализированных составов должно способствовать минимизации ошибок в правоприменительной практике. Авторы изменений предполагали, что конкретизация отдельных видов мошенничества позволит более четко разграничивать уголовно наказуемые деяния от нарушений, подпадающих под сферу регулирования гражданско-правовых отношений. Такой подход был направлен на повышение эффективности уголовно-правового противодействия экономическим преступлениям и обеспечение единообразия судебной практики при квалификации мошеннических действий в различных сферах экономической деятельности.

В уголовно-правовой доктрине неоднократно высказывались критические замечания относительно введения новых норм о мошенничестве, которые характеризуются как излишне казуистичные и направленные на охрану лишь узкого круга общественных отношений. Как отмечается в научных исследованиях, подобная законодательная регламентация приводит к фрагментарности правовой защиты в сфере имущественных отношений. Ряд ученых, в частности Т.О. Кошечкина, указывают на то, что выделение специализированных видов мошенничества посредством создания отдельных составов преступлений способствовало размыванию традиционного уголовно-правового понимания данного деяния и нивелированию его общественной опасности.

Научная дискуссия о недостатках законодательного регулирования специализированных составов мошенничества, подкрепленная проблемами правоприменительной практики, обусловила дальнейшие изменения уголовного законодательства. В 2018 году была осуществлена реформа ст. 159.3 УК РФ, параллельно в ст. 158 УК РФ введен новый квалифицирующий признак, касающийся хищения средств с банковского счета или электронных денежных средств при условии отсутствия признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ. Однако, вопреки ожиданиям законодателя, данные изменения не привели к разрешению существующих проблем квалификации. Отсутствие четких разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения обновленных норм повлекло возникновение дополнительных сложностей в правоприменительной деятельности, особенно в части разграничения составов мошенничества с использованием электронных

средств платежа, общего мошенничества и кражи электронных денежных средств. Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и формирования единообразной судебной практики по данным вопросам.

Первоначальная редакция диспозиции части 1 статьи 159.3 УК РФ (до внесения изменений в 2018 году) предусматривала выделение данного состава мошенничества именно в связи с особенностью способа совершения преступления - обманом уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Данная позиция находила отражение и в уголовно-правовой доктрине, где подчеркивалась специфика субъектного состава данного преступления.

Историко-правовой анализ позволяет установить, что данный состав мошенничества фактически возник из положений пункта 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" (утратившего силу), который регламентировал квалификацию хищения денежных средств с банковских счетов с использованием похищенных или поддельных платежных карт. Согласно разъяснениям высшей судебной инстанции, такие действия подлежали квалификации как мошенничество только при условии введения в заблуждение уполномоченного представителя кредитной, торговой или сервисной организации, например, путем подделки подписи на платежном документе или предъявления фальшивого удостоверения личности владельца карты. Эта правовая позиция легла в основу формирования самостоятельного состава преступления, закрепленного впоследствии в статье 159.3 УК РФ.

Таким образом, изначальный подход законодателя предполагал, что для квалификации деяния по статье 159.3 УК РФ необходимо установление факта активного введения в заблуждение уполномоченного сотрудника кредитной, торговой или иной организации относительно правомерности использования платежной карты. Это достигалось посредством совершения злоумышленником конкретных действий - предъявления подложного документа, удостоверяющего личность, либо подделки подписи законного владельца карты. Однако практическое применение новых составов мошенничества достаточно быстро выявило существенные проблемы квалификации, что нашло отражение в принятом 30 ноября 2017 года постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48.

Анализ пункта 17 указанного постановления показывает, что Верховный Суд РФ фактически пересмотрел первоначальный подход к квалификации подобных деяний. Из трех приведенных в постановлении примеров незаконного завладения денежными средствами с использованием банковской карты, два были отнесены к составу кражи. В частности, к тайному хищению были отнесены: во-первых, случаи снятия денежных средств через банкомат без взаимодействия с представителями кредитной организации, и во-вторых, ситуации, когда злоумышленник самостоятельно осуществлял операции с безналичными средствами, используя конфиденциальную информацию о карте (например, пин-код или CVV-код), переданную ему держателем карты. Данная правовая позиция существенно изменила подходы к разграничению составов мошенничества и кражи в сфере электронных платежей.

Практика применения статьи 159.3 УК РФ выявила существенные проблемы квалификации, требовавшие дополнительных разъяснений. Характерным примером ошибочной квалификации стало постановление Белоярского районного суда Свердловской области, где действия осужденной С. были необоснованно квалифицированы по части 2 статьи 159.3 УК РФ. Суд признал доказанным факт совершения ею двух видов противоправных действий: оплаты товаров в магазине с использованием чужой банковской карты и снятия наличных средств через банкомат. Однако при анализе данных обстоятельств становится очевидной ошибка

правоприменителя, поскольку снятие денежных средств через банкомат не соответствует предусмотренному первоначальной редакцией статьи 159.3 УК РФ специальному способу совершения преступления - обману уполномоченного работника торговой, кредитной или иной организации.

Примечательно, что подобные случаи неправильной квалификации возникали вопреки имевшимся разъяснениям, содержащимся еще в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51. Это свидетельствует о том, что введение специализированных составов мошенничества не только не решило проблему разграничения смежных составов преступлений, но и привело к увеличению количества ошибок при квалификации действий, связанных с хищением средств с использованием платежных карт. В результате новые разъяснения Верховного Суда РФ, касающиеся специализированных видов мошенничества, были восприняты правоприменительными органами как обязательное руководство к действию.

Согласно сложившейся судебной практике, основанной на разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ и первоначальной редакции статьи 159.3 УК РФ, классическим случаем мошенничества по данной статье признавалось хищение имущества с использованием поддельной или чужой платежной карты, когда виновный путем активных действий (сообщения ложных сведений) или бездействия (умолчания о незаконности владения картой) вводил в заблуждение уполномоченного представителя кредитной, торговой или иной организации. Такой подход подчеркивал значение специального субъекта преступления - представителя организации, в отношении которого совершался обман, что являлось ключевым отличием данного состава от других форм хищения.

Введение в правоприменительную практику умолчания как способа обмана при квалификации деяний по статье 159.3 УК РФ было обусловлено объективными сложностями, связанными с процедурой идентификации владельца платежной карты. В большинстве случаев работники торговых, кредитных и иных организаций при приеме платежей не осуществляют проверку принадлежности платежного средства предъявителю, что создавало правовой вакуум при квалификации соответствующих противоправных действий.

Следует подчеркнуть, что сама концепция выделения обмана уполномоченного работника в качестве специального способа мошенничества вызвала серьезную критику в научной среде. Как справедливо отмечают Л.В. Боровых и Е.А. Корепанова, подобный законодательный подход противоречит традиционному пониманию мошенничества в уголовном праве. Авторы аргументируют свою позицию тем, что законодатель фактически допустил возможность направленности обмана на лиц, не обладающих правом распоряжения имуществом, что не соответствует правовой природе мошенничества как формы хищения.

В таких случаях, по мнению исследователей, обманное поведение преступника выполняет лишь вспомогательную функцию, облегчая доступ к чужому имуществу, но не являясь непосредственным способом его изъятия. Следовательно, с точки зрения юридической конструкции подобные действия в большей степени соответствуют признакам тайного хищения (кражи), нежели мошенничества. Данная научная позиция подчеркивает концептуальные противоречия, возникшие при формулировании специального состава мошенничества в статье 159.3 УК РФ, и указывает на необходимость более четкого доктринального обоснования критериев разграничения смежных составов преступлений в сфере экономической деятельности.

Анализ судебной практики периода действия статьи 159.3 УК РФ в ее первоначальной редакции демонстрирует неоднозначность подходов к квалификации хищений с использованием платежных карт. В частности, Ленинским районным судом г. Новосибирска в

2015 году действия лица, совершившего оплату товаров с помощью найденной чужой карты в присутствии продавца, были квалифицированы по пункту "в" части 2 статьи 158 УК РФ (кража). Этот пример свидетельствует о существовании альтернативных подходов в правоприменительной практике.

Однако доминирующей тенденцией стало следование разъяснениям высшей судебной инстанции, в соответствии с которыми большинство случаев хищения безналичных средств с применением поддельных или чужих платежных карт при оплате товаров и услуг квалифицировалось по статье 159.3 УК РФ после ее введения в 2012 году. Примечательно, что данная практика сохранилась даже после законодательных изменений 2018 года, затронувших редакции статей 158 и 159.3 УК РФ.

Модификация статьи 159.3 УК РФ в 2018 году, по всей видимости, была обусловлена стремительным развитием финансовых технологий и появлением новых форм безналичных расчетов - электронных кошельков, платежных приложений и иных цифровых платежных инструментов. Законодатель использовал универсальное понятие "электронное средство платежа", что позволило расширить сферу применения данной нормы и адаптировать ее к современным реалиям цифровой экономики. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, это не решило проблему разграничения смежных составов преступлений в сфере электронных платежей.

Анализ судебной практики периода активного применения статьи 159.3 УК РФ (2012-2018 гг.) выявляет противоречивые подходы к квалификации преступлений, связанных с использованием платежных карт. Характерным примером альтернативной квалификации служит приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 2015 года, где действия осужденного, оплатившего покупки найденной чужой картой в присутствии продавца, были квалифицированы как кража (п. "в" ч. 2 ст. 158 УК РФ). Однако преобладающей практикой стало следование позиции Верховного Суда РФ, выраженной в постановлениях Пленума, согласно которой подобные действия преимущественно квалифицировались как мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ).

Законодательные изменения 2018 года, затронувшие редакции статей 158 и 159.3 УК РФ, не привели к существенному пересмотру сложившейся судебной практики. Введение в уголовный закон обобщающего понятия "электронное средство платежа" можно рассматривать как ответ законодателя на стремительное развитие финансовых технологий, включая распространение электронных кошельков и мобильных платежных приложений. Эта модернизация уголовно-правовой нормы преследовала цель унификации правового регулирования в условиях цифровизации экономики, однако не решила проблему четкого разграничения составов мошенничества и кражи в сфере безналичных расчетов. Сохраняющаяся неоднозначность квалификации свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и формирования единообразной судебной практики по данным вопросам.

В юридической доктрине сохраняется дискуссия относительно квалификации обмана по статье 159.3 УК РФ. Как отмечает П.С. Яни, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные к предыдущей редакции данной статьи, сохраняют свою актуальность и продолжают определять специфику понимания обмана применительно к этому составу преступления. Именно такой подход позволяет отграничивать данный вид мошенничества от других форм хищения.

В.И. Тюнин развивает эту позицию, аргументируя, что сам факт предъявления чужой платежной карты уже содержит элемент обмана, поскольку преступник предполагает возможность идентификации держателя карты. При этом умысел виновного направлен на

введение уполномоченного лица в заблуждение относительно законности владения платежным средством. Это может выражаться как в активных действиях (представление подложных документов, подделка подписи), так и в пассивной форме (умолчание о незаконности владения картой). Такой подход подчеркивает специфику субъективной стороны данного преступления и обосновывает его квалификацию именно как мошенничества, а не кражи.

Указанные теоретические позиции демонстрируют сохраняющуюся в уголовно-правовой науке полемику относительно критериев разграничения составов преступлений в сфере электронных платежей, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательного регулирования и правоприменительной практики.

В уголовно-правовой доктрине и судебной практике сформировался подход, согласно которому даже пассивное присутствие уполномоченного работника при совершении операций с чужой платежной картой рассматривается как исключаящее признак тайности хищения. Данная позиция основывается на презумпции добросовестности участников гражданского оборота - сотрудник торговой или кредитной организации, наблюдающий за совершением операций с платежной картой, не обязан подозревать клиента в противоправных намерениях. П.С. Яни аргументирует обоснованность такого подхода тем, что само по себе использование платежного средства в присутствии представителя организации уже создает у последнего ложное представление о законности проводимой операции, даже если преступник не совершает активных действий по введению в заблуждение.

Судебная практика последовательно придерживается позиции о сохранении актуальности пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48. Ярким примером является определение Калининградского областного суда, которым действия осужденного были переqualифицированы с кражи (п. "г" ч. 3 ст. 158 УК РФ) на мошенничество с использованием платежной карты (ч. 2 ст. 159.3 УК РФ). Суд указал, что передача чужой карты для оплаты в магазинах или осуществление онлайн-платежей создают у уполномоченных лиц ложное представление о правомерности использования платежного средства, что соответствует признакам активного обмана. Такой подход подчеркивает, что сам факт использования платежной карты в расчетах предполагает создание у контрагентов уверенности в законности операции, что является специфическим признаком состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ.

Верховный Суд Удмуртской Республики также подчеркнул необходимость учета положений пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, отменив приговор суда первой инстанции по части 3 статьи 158 УК РФ (пункт "г") и направив дело на новое рассмотрение в связи с установленным фактом оплаты товаров чужой банковской картой в торговой организации. Этот прецедент подтверждает устойчивую тенденцию в судебной практике, согласно которой применение чужой платежной карты при расчетах с участием представителей торговых точек должно квалифицироваться по статье 159.3 УК РФ.

В результате сложилась ситуация, когда новая редакция части 1 статьи 159.3 УК РФ продолжала применяться в соответствии с прежней доктринальной интерпретацией, несмотря на внесенные законодательные изменения. Значимым шагом в реформировании системы квалификации данных преступлений стало введение нового квалифицирующего признака в пункт "г" части 3 статьи 158 УК РФ, направленного на преодоление устаревшего и критикуемого научным сообществом подхода к определению способа мошенничества.

Однако последующая правоприменительная практика продемонстрировала существенные расхождения в квалификации. Фактически идентичные деяния, связанные с использованием чужой банковской карты для оплаты товаров и услуг в торговых организациях, получали

различную уголовно-правовую оценку - либо по статье 159.3 УК РФ, либо по пункту "г" части 3 статьи 158 УК РФ. При этом преобладающей тенденцией оставалась переквалификация действий обвиняемых с пункта "г" части 3 статьи 158 УК РФ на статью 159.3 УК РФ, что свидетельствует о сохранении в правоприменительной практике прежнего понимания сущности мошенничества с использованием платежных карт, несмотря на внесенные в законодательство изменения.

Сложившаяся судебная практика демонстрирует дифференцированный подход к квалификации действий, связанных с незаконным использованием чужой платежной карты. Наиболее распространенным стало применение совокупности статей:

По статье 159.3 УК РФ (с учетом квалифицирующих признаков) квалифицируются эпизоды оплаты товаров в торговых точках с использованием карты, не принадлежащей виновному. В данном случае ключевым критерием выступает наличие взаимодействия с представителем торговой организации, что создает условия для введения его в заблуждение относительно правомерности использования платежного средства.

По пункту "г" части 3 статьи 158 УК РФ оцениваются действия по снятию наличных средств через банкомат, поскольку такой способ хищения исключает непосредственный контакт с уполномоченным сотрудником кредитной организации и соответствует признакам тайного хищения.

Яркой иллюстрацией такого подхода служит приговор Ленинского районного суда ГОРОД и ГОД?, которым С. осужден: по пункту "г" части 3 статьи 158 УК РФ за снятие денежных средств через банкомат с использованием найденных банковских карт; по части 2 статьи 159.3 УК РФ за оплату покупок в продуктовом магазине этими же картами.

Примечательно, что способ приобретения карты (находка или добровольная передача потерпевшим) не влияет на квалификацию последующих действий с ней, что подчеркивает предложение не окончено

В судебной практике сложился дифференцированный подход к квалификации незаконных действий с использованием чужой платежной карты, который наиболее часто выражается в применении совокупности статей Уголовного кодекса. Оплата товаров в торговых точках с применением не принадлежащей виновному карты обычно квалифицируется по статье 159.3 УК РФ с учетом соответствующих квалифицирующих признаков, поскольку в данном случае присутствует ключевой элемент - взаимодействие с представителем торговой организации, создающее условия для введения его в заблуждение относительно законности использования платежного средства. При этом операции по снятию наличных средств через банкомат, исключаящие непосредственный контакт с уполномоченным сотрудником кредитного учреждения, подпадают под признаки тайного хищения и оцениваются по пункту "г" части 3 статьи 158 УК РФ.

Характерным примером такой правоприменительной практики выступает приговор Ленинского районного суда, где подсудимый С. (ТОТ ЖЕ ПРИМЕР ЧТО И ВЫШЕ?) был осужден по двум статьям: по пункту "г" части 3 статьи 158 УК РФ за снятие денежных средств через банкомат с использованием найденных банковских карт и по части 2 статьи 159.3 УК РФ за последующую оплату покупок в продуктовом магазине этими же картами. Особенностью данного дела является то, что способ приобретения карты (в данном случае - находка) не оказал влияния на квалификацию последующих действий с ней, что подчеркивает формальный характер подхода к оценке объективной стороны преступления.

Следует отметить, что подобная дифференциация квалификации основывается на разъяснениях высших судебных инстанций, однако вызывает дискуссии в научной среде, где

высказываются мнения о необходимости унификации подходов к оценке таких противоправных действий. Противоречивость сложившейся практики особенно проявляется в случаях, когда однородные по своей сути действия (использование чужой платежной карты) получают различную уголовно-правовую оценку в зависимости от технических особенностей совершения платежа (через кассу торговой точки или банкомат), что не всегда соответствует принципу справедливости уголовного закона.

В судебной практике встречается и альтернативный подход, когда оба эпизода - как оплата покупок с использованием чужой платежной карты, так и снятие денежных средств через банкомат - квалифицируются исключительно по пункту "г" части 3 статьи 158 УК РФ. Ярким примером такого подхода служит приговор Московского районного суда г. Рязани, которым Д. был осужден по указанной статье за совершение двух эпизодов противоправных действий. Согласно материалам дела, Д. в процессе совместного распития спиртных напитков с потерпевшим Ж. изъясил у него банковскую карту из кармана куртки. В дальнейшем он совершил два самостоятельных деяния: сначала осуществил бесконтактную оплату товаров в магазине путем приложения карты к платежному терминалу, а затем снял наличные денежные средства через банкомат. Суд квалифицировал оба этих эпизода как кражу, не усмотрев в действиях подсудимого признаков мошенничества. Подобная практика свидетельствует о существовании в правоприменительной деятельности различных подходов к оценке однородных противоправных действий, что создает определенные сложности в обеспечении единообразия судебной практики. Различие в квалификации зачастую зависит от субъективного усмотрения суда при оценке обстоятельств конкретного дела, в частности от того, насколько суд считает установленным факт введения в заблуждение уполномоченных лиц при использовании платежной карты.

В судебной практике также встречается третий вариант квалификации, когда оба эпизода - как снятие денежных средств через банкомат, так и оплата товаров в магазине - оцениваются исключительно по статье 159.3 УК РФ. Примером такого подхода служит приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя, которым Ш. была осуждена по части 2 статьи 159.3 УК РФ. Согласно установленным судом обстоятельствам, подсудимая использовала переданную ей потерпевшим Г. платежную карту для снятия денежных средств через банкомат, после чего совершила оплату товаров для личных нужд в магазине. Примечательно, что в данном случае суд квалифицировал оба эпизода как мошенничество, несмотря на различие способов незаконного завладения денежными средствами.

Анализ приведенных примеров показывает, что фактически идентичные по своей сути ситуации получают различную уголовно-правовую оценку в зависимости от усмотрения суда. Различие в квалификации обусловлено лишь техническими особенностями совершения противоправных действий - использованием банкомата или оплатой товаров в торговой точке. Такая противоречивая практика сохранялась на протяжении длительного времени, хотя отдельные судебные решения содержали критику сложившегося подхода.

В частности, Свердловский областной суд в апелляционном постановлении высказал принципиально иную позицию, указав, что работник торговой организации не осознает незаконности изъятия имущества, поскольку не располагает информацией об истинном владельце банковской карты. Суд сослался на пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое», согласно которому хищение признается тайным и в тех случаях, когда присутствующее при незаконном изъятии имущества лицо не осознает противоправности этих действий. Кроме того, суд подчеркнул, что действующее законодательство не обязывает владельца банковской карты предъявлять

документ, удостоверяющий личность, при проведении расчетов. Следовательно, сам по себе факт предъявления банковской карты без документа, удостоверяющего личность, не может рассматриваться как обман или введение в заблуждение сотрудника торговой организации. Эта позиция ставит под сомнение обоснованность квалификации подобных действий как мошенничества и свидетельствует о необходимости более четких критериев разграничения составов преступлений в сфере электронных платежей.

Формирование новой правовой позиции по вопросу квалификации действий с использованием чужих платежных карт прошло сложный эволюционный путь. Первоначально высказанная Свердловским областным судом позиция, хотя и казалась революционной для своего времени, содержала в себе рациональное зерно, которое впоследствии коренным образом изменило подход к пониманию содержания обмана по статье 159.3 УК РФ. Окончательное признание этого подхода на высшем судебном уровне произошло лишь спустя два года, когда Верховный Суд РФ в своем определении четко указал, что действующие нормативные акты не возлагают на работников торговых организаций обязанность проверки документов, удостоверяющих личность держателя банковской карты.

Этот принципиально новый подход сопровождался важным официальным признанием: ссылки судов на разъяснения пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 были признаны необоснованными, поскольку данные разъяснения относились к предыдущей редакции статьи 159.3 УК РФ. Такая позиция высшей судебной инстанции имела значительные правовые последствия - статья 159.3 УК РФ фактически перестала применяться в ее прежней интерпретации. Правоприменительная практика достаточно быстро адаптировалась к новому пониманию, перестав рассматривать сам факт взаимодействия с работником торговой организации при оплате товаров чужой картой как обман, необходимый для квалификации деяния как мошенничества.

Завершающим этапом этой эволюции стало окончательное решение судьбы спорного состава преступления высшими судебными инстанциями - Верховным Судом РФ и Конституционным Судом РФ, принятое спустя полгода после фактического прекращения применения статьи 159.3 УК РФ в ее прежнем понимании. Эти решения закрепили новый подход к квалификации подобных деяний, поставив точку в длительной дискуссии о разграничении составов кражи и мошенничества при незаконном использовании платежных карт.

Существенные изменения в правоприменительной практике были закреплены путем внесения корректировок в руководящие разъяснения высших судебных органов. Из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 был исключен первый абзац пункта 17, содержащий положения, относящиеся к прежней редакции статьи 159.3 УК РФ. Одновременно с этим постановление Пленума от 27 декабря 2002 года № 29 было дополнено новым пунктом 25.1, который установил, что тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств (включая операции по безналичным расчетам или снятию наличных через банкомат с использованием чужой или поддельной платежной карты) подлежит квалификации как кража с банковского счета либо в отношении электронных денежных средств. Примечательно, что при этом новые разъяснения, конкретизирующие применение статьи 159.3 УК РФ, так и не были сформулированы.

Дальнейшее развитие данной правовой позиции получило в определении Конституционного Суда РФ от 9 июля 2021 года № 13-74-О, где было однозначно указано, что отсутствие нормативно закреплённой обязанности по идентификации владельца платежной карты исключает возможность квалификации действий как обмана или злоупотребления

доверием уполномоченного лица. Этот вывод распространяется и на случаи, когда формально имеются технические возможности для проверки (требование подписи на чеке, ввода ПИН-кода или предъявления паспорта). Таким образом, высшие судебные инстанции последовательно сформировали новый подход, согласно которому использование чужой платежной карты при отсутствии прямого обмана конкретного лица (путем, например, предъявления поддельного паспорта) не может рассматриваться как мошенничество по статье 159.3 УК РФ.

Заключение

Анализ судебной практики свидетельствует, что хищение денежных средств с использованием чужой банковской карты при оплате товаров, работ или услуг в торговых организациях или через интернет составляло основную сферу применения статьи 159.3 УК РФ. При этом другие случаи квалификации по данной статье носили эпизодический и несистемный характер, что указывает на отсутствие четких критериев применения этой нормы.

Основные проблемы правоприменительной практики связаны с отсутствием разъяснений Пленума Верховного Суда РФ относительно конкретных случаев квалификации деяний по статье 159.3 УК РФ. Примечательно, что для всех других специализированных составов мошенничества такие разъяснения имеются в достаточном объеме. Возможность дать соответствующие разъяснения по статье 159.3 УК РФ существовала при внесении изменений в постановление от 30 ноября 2017 года № 48 в июне 2021 года, однако этого сделано не было. Вероятной причиной стало отсутствие к тому времени единообразной практики применения статьи в ее новой редакции, что не позволило сформулировать четкие критерии квалификации.

В сложившейся ситуации очевидной становится необходимость дополнения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 специальными положениями, разъясняющими порядок квалификации преступных деяний по статье 159.3 УК РФ. Такие разъяснения должны: определить круг ситуаций, подпадающих под действие данной статьи; установить критерии разграничения со смежными составами преступлений (прежде всего с кражей); закрепить единые подходы к оценке способов совершения преступления.

Формирование правовой позиции высшей судебной инстанции по этим вопросам позволит устранить существующие противоречия в практике применения статьи 159.3 УК РФ и обеспечить единообразие судебных решений. Особое внимание следует уделить случаям использования электронных средств платежа, учитывая стремительное развитие цифровых финансовых технологий и появление новых способов совершения противоправных действий в этой сфере.

Библиография

1. Боровых Л. В., Корепанова Е. А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1 (31). С. 98–104.
2. Кленова Т. В. Уголовно-правовая политика в условиях разделения властей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2015. С. 21–27.
3. Кошева Т. О. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 74–78.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 12.07.2025).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 12.07.2025).
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 12.07.2025).

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–март 2020 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/20016032/> (дата обращения: 12.07.2025).
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–март 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23816756/> (дата обращения: 12.07.2025).
9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–март 2022 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/29705686/> (дата обращения: 12.07.2025).
10. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 // Российская газета. 2021. 16 июля.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 30.04.2018. № 18. Ст. 258.
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2012. № 49. Ст. 6752.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 13-74-О // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09072021-n/> (дата обращения: 12.07.2025).
14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1917106 (дата обращения: 12.07.2025).
15. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 // Российская газета. 2008. 12 янв.
16. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Российская газета. 2017. 11 дек.
17. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Госдумы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6> (дата обращения: 12.07.2025).
18. Тюнин В. И. Некоторые вопросы толкования и применения норм о специальных видах мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 116–126.
19. Чупрова А. Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право. 2015. № 5. С. 134–138.
20. Южин А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 1. С. 141–146.
21. Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 7. С. 39–43.

Problems of Qualifying Fraud Committed Using Electronic Payment Means: Theory and Law Enforcement Practice

Irina I. Mastyukova

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 Ayaks Settlement, Russky Island,
Primorsky Krai, Russian Federation;
e-mail: mastyukova.ii@students.dvfu.ru

Arina P. Rozhentseva

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 Ayaks Settlement, Russky Island,
Primorsky Krai, Russian Federation;
e-mail: rozhentseva.ap@students.dvfu.ru

Valeriya S. Kutsepalova

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 Ayaks Settlement, Russky Island,
Primorsky Krai, Russian Federation;
e-mail: kutsepalova.vs@dvfu.ru

Evgeniya M. Sobolinskaya

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 Ayaks Settlement, Russky Island,
Primorsky Krai, Russian Federation;
e-mail: sobolinskaya.em@dvfu.ru

Abstract

This article examines the evolution of legal regulation concerning fraud involving electronic payment means in Russian criminal legislation. The authors conduct a comprehensive analysis of theoretical principles of criminal law, legislative changes, judicial interpretations, and case law practice related to Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, identifying key problems in qualifying this offense. Based on the research findings, the authors substantiate the need to supplement the current resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on judicial practice in fraud cases with special clarifications regarding the qualification of offenses under Article 159.3 of the Criminal Code.

For citation

Mastyukova I.I., Rozhentseva A.P., Kutsepalova V.S., Sobolinskaya E.M. (2025) Problemy kvalifikatsii moshennichestva s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha: teoriya i pravoprimeritel'naya praktika [Problems of Qualifying Fraud Committed Using Electronic Payment Means: Theory and Law Enforcement Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (5A), pp. 263-276.

Keywords

Fraud, electronic payment means, crime qualification, Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice, criminal liability.

References

1. Borovykh L. V., Korepanova E. A. The orientation of deception as part of fraud using payment cards // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2016. No. 1 (31). pp. 98-104.
2. Klenova T. V. Criminal law policy in the context of separation of powers // Criminal law: a development strategy in the 21st century. Moscow, 2015. pp. 21-27.
3. Kosheva T. O. Improving criminal legislation on liability for fraud // Journal of Russian Law. 2016. No. 5. pp. 74-78.
4. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2019 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450> / (date of access: 07/12/2025).
5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2020 // Official website of the

- Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184> / (date of access: 07/12/2025).
6. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2021 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552> / (date of access: 07/12/2025).
 7. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–March 2020 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/20016032> / (date of access: 07/12/2025).
 8. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–March 2021 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23816756> / (date of access: 07/12/2025).
 9. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–March 2022 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/29705686> / (date of appeal: 07/12/2025).
 10. On amendments to certain resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal matters: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/29/2021 No. 22 // Rossiyskaya Gazeta. 2021. July 16.
 11. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 111-FZ dated 04/23/2018 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 30.04.2018. No. 18. St. 258.
 12. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 207-FZ dated 29.11.2012 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03.12.2012. No. 49. Art. 6752.
 13. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/09/2021 No. 13-74-O // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09072021-n> / (date of access: 07/12/2025).
 14. Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/29/2020 No. 12-UDP20-5-K6 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1917106 (date of application: 07/12/2025).
 15. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/27/2007 No. 51 // Rossiyskaya gazeta. 2008. January 12.
 16. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 // Rossiyskaya Gazeta. 2017. 11 Dec.
 17. Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official website of the State Duma of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6> (date of reference: 07/12/2025).
 18. Tyunin V. I. Some issues of interpretation and application of norms on special types of fraud // Criminal law. 2015. No. 5. pp. 116-126.
 19. Chuprova A. Y. Problems of fraud qualification using information technologies // Criminal Law. 2015. No. 5. pp. 134-138.
 20. Yuzhin A. A. Criminal and legal characteristics and problems of qualification of fraud using payment cards // Socio-economic phenomena and processes. 2016. No. 1. pp. 141-146.
 21. Yani P. S. Fraud using electronic means of payment // Legality. 2019. No. 7. pp. 39-43.